

МИТРОШЕНКОВ Олег Александрович – д. филос. н., профессор кафедры философии Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 82, корп. 1)

КАКИЕ СМЫСЛЫ ФОРМИРУЕТ СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА?¹

Аннотация. В рецензии рассматривается фундаментальный труд отечественного ученого-культуролога Андрея Пелипенко «Культура и смысл» (2012). Автор рассматривает тончайшие механизмы зарождения культуры, трудноуловимые переходы от природы к культуре, от животного состояния к человеку, от имплицитивного, потенциального мира к эксплицитивному, налично-действительному. Стержнем исследования выступает смыслогенетическая теория культуры, основанная на широком научном материале. В книге заданы основы междисциплинарного синтеза и раскрыты основные положения и особенности смыслогенетического подхода. Культура, согласно автору, – не более чем одно из промежуточных звеньев в цепи глобальной эволюции.

Ключевые слова: культура, смысл, смыслогенетическая теория, антропосистема, всеобщая эмпатическая связь, глобальные эволюционные векторы, имплицитивный мир, локальная культурная система, логоцентрическая система, межполушарная функциональная асимметрия, психосферная медиация

В 2012 г. в издательстве РОССПЭН вышла монография отечественного ученого-культуролога Андрея Пелипенко «Культура и смысл» – первая часть фундаментального исследования под общим названием «Постижение культуры», которое, как предполагается, должно включать в себя пять частей. Цель серии, согласно автору, – «разворачивание авторской смыслогенетической теории культуры на широком научном материале. Первая часть исследования под названием “Культура и смысл” задает основы междисциплинарного синтеза и знакомит читателя с особенностями смыслогенетического подхода и основными положениями теории».

Исследование А. Пелипенко производит невероятно сильное впечатление. Книга чрезвычайно глубокая, мощная, масштабная. Она восхищает, завораживает и потрясает! В ней рассмотрены фундаментальные – культурные – основы всей социальной и индивидуальной жизни, которые (потенциально) могут объяснить многое происходящее в мире людей в разных пространствах и сферах. Например, почему культура одних стран стимулирует инновации, а других – тормозит, одни хватаются за револьвер, а другие за идею идут на костер.

Но, странное дело, книга пока не нашла не только адекватного, но и вообще какого-либо отклика в научной среде и литературе. Возможно, я что-то пропустил, но бурной научной дискуссии откровенно не наблюдается. Монография же, поскольку исследует глубинные основы нашего бытия и его механизмы и перспективы, совершенно очевидно заслуживает глубокого профессионального обсуждения в печати и на научных форумах. А этого-то как раз и нет. «Мы ленивы и нелюбопытны»? Читаем только самих себя? Или потрясены мощью исследования и из чувства зависти сочли, что лучше его проигнорировать?

Не менее странное дело – у А. Пелипенко имеется большая группа поклонников, которые даже свой сайт завели, где выражают свое восхищение его творчеством, однако же организовать такую дискуссию, создать автору и книге некое публичное пространство не потрудились.

Пересказывать содержание книги – занятие бессмысленное. Для этого жанр краткой рецензии не предназначен. Тем не менее, чтобы было понятно, о чем идет речь, ключевые идеи напомнить должно.

В книге выдвинут ряд принципиально новых основополагающих парадигм и

¹ Рецензия на книгу Пелипенко А.А. 2012. «Постижение культуры». Ч. I. «Культура и смысл». М.: РОССПЭН. 608 с.

постулатов (далее воспользуемся формулировками самого автора, как они представлены в «Заключении»).

Культура есть системное самоорганизующееся образование, обладающее свойствами *субъекта*, а ее имманентная эволюция — звено в глобальном макроэволюционном процессе, и потому особую значимость имеет опыт естественных наук, прежде всего квантовой механики, а также космологии, биологии, нейрофизиологии и др. А. Пелипенко выдвигает и обосновывает положение о двунаправленности эволюционных процессов — горизонтальной и вертикальной. Первая связывается с механизмами адаптации и ответами на вызовы среды, вторая представляет собой итерационное движение глобальных эволюционных векторов — усложнения, дифференциации, уплотнения эволюционного фронта и наращивания субъектности в направлении их максимального самопроявления на материале той или иной эволюционирующей системы.

Антропогенез и культурогенез — пример такого итерационного вертикального эволюционирования, состоящего в межсистемном переходе от материнской биосистемы к антропосистеме. «Финальной» причиной возникновения антропосистемы стала очередная «неудовлетворенность» глобальных эволюционных векторов тем уровнем своего самопроявления, который был достигнут в биосистеме на стадии высших млекопитающих. Как и в других случаях захождения в тупик горизонтального вектора эволюции, глобальные эволюционные векторы осуществляют вертикальный переход, находя в материнской системе наименее специализированные формы и «выталкивая» их посредством серии ароморфозов в новое эволюционное качество. Таковыми стали приматы и развившиеся из них гоминиды, а само «выталкивание» на них сказалось тяжелейшими физиологическими и психическими патологиями — эволюционной болезнью.

В связи с проблемой антропогенеза и формирования человеческих форм когнитивности существенно переосмысливается значение межполушарной функциональной асимметрии. Она понимается как локомотив системных нейрофизиологических и когнитивных трансформаций в ходе антропогенеза, а также как фактор, подспудно детерминирующий дальнейшую эволюцию культуры и человеческой ментальности. По мере бурного роста неокортекса в ходе антропогенеза единственным ответом на разбалансировку животных режимов правополушарной перцептивности было компенсаторное развитие левой гемисферы. В русле этого процесса началась самонастройка пораженной эволюционной болезнью психосоматической сферы гоминидов. Эволюционным результатом этой самонастройки стало формирование психического/когнитивного режима, в котором сложное взаимодействие правой и левой гемисфер с необходимостью породило незнакомый биопсихике феномен *смысла*, положив тем самым начало развитию человеческой ментальности и новой системы — культуры.

Концепция смыслогенеза и организации смысловых структур в их психофизиологических и культурных аспектах — сердцевина смыслогенетической теории. Смыслогенез — процесс, связывающий сферу человеческой ментальности с самоструктурированием локальных культурных систем в истории. Различия между регионально-историческими версиями/модификациями культуры коренятся в различных способах образования смысловых структур и оперирования ими. Разным типам культурно-исторического бытия соответствуют разные культурно-антропологические типы человека (миф об абстрактном «философском» человеке отвергается).

В рамках разработки концепции сопряжения биосистемы и культуры посредством смыслогенеза вводится модель преобразования — конвертация биопрограмм в культурные практики. Суть ее в том, что, проходя «конвертор» смыслогенеза, программы животного поведения «развинчиваются» на подвижные и релятивные компоненты, которые по ту сторону «конвертора» «свинчиваются» в новой конфигурации, приобретая качественно иную онтологию. Последняя имеет открытый характер, т.е. любой смысловой конструкт способен продуцировать бесконечное множество семантем на основании комбинаторного оперирования релятивными смысловыми элементами. Структурно-операционной основой комбинирования выступает бинарный код.

Значение последнего универсально не только для культурно-смысловой сферы, но и для любого структурообразования вообще. Бинарный код органически присущ человеческой психике, но лишь в сфере мышления он эксплицируется в самодостаточной – семантической – форме.

Проблема сопряжения биосистемы и культуры заставляет обратиться к еще более глубинным основаниям известной нам реальности. Здесь смыслогенетическая теория отталкивается от современных квантовых представлений, трактующих реальность как двойственную и построенную на «контрапункте» *бытия потенциального* (мир когерентных квантовых суперпозиций) и *бытия сущего* (мир физической реальности). Наиболее релевантными смыслогенетическому дискурсу оказываются понятия *имплицативного* и *эксплицативного* (наличного/осуществленного) *порядков* (термины Д. Бома). В контексте взаимоотношений между мирами особое значение приобретает проблема медиации. Последняя выступает непреложным условием любого рода существования, ибо лишь в ходе медиации – интенционально-энергетического взаимодействия во времени – происходит экспликация (распаковывание) паттернов имплицативного мира в наличные/наблюдаемые феномены. Для обозначения сферы медиации вводится понятие *психосферы*, и в центр внимания попадает тот ее локус, который связан с зоной сопряжения биосистемы и культуры. В ходе анализа форм и режимов психосферной медиации рассматриваются разнообразные психосферные феномены, многие из которых традиционно относятся к сфере паранормальных явлений и игнорируются академической наукой. Заявляя, что отбрасывать этот колоссальный по объему и значимости для понимания культуры материал более невозможно, смыслогенетическая теория предлагает свою модель объяснения вне рамок механистического рационализма, но и не впадая в паранауку, религиозное доктринерство или мистику.

Концепция психосферной медиации предполагает, что первичной и фундаментальной задачей любой новообразованной в ходе глобальной эволюции системы является установление каналов интенционально-энергетических взаимодействий с имплицативным миром. И каждая из систем эту задачу решает согласно своей природе. Это относится и к культуре; стремление человека постичь сущность запредельного, порыв сознания к трансцендированию – это лишь видимая часть айсберга тех подспудных медиационных процессов, которые пронизывают все стороны бытия человека в культуре. Именно усложнение и совершенствование режимов психосферной медиации, неразрывно связанное с его содержанием, а вовсе не бесконечное наращивание неких абсолютных показателей, совокупно связываемых с утилитаристски понимаемым прогрессом, выступает, согласно смыслогенетической теории, двигателем культурно-исторической динамики. Динамика эта нелинейна, т.е. сходные уровни сложности локально-культурных систем достигаются разными путями и в разных (альтернативных) эволюционных формах. Это, впрочем, не отменяет стадильности в эволюции культур. Но критерием стадильности выступают не отдельные внешние показатели прогресса, понимаемого в ценностной сетке критериев современной «экономической цивилизации», а степень «продвинутости» локальных культурных систем в мейнстриме глобальных эволюционных векторов. А здесь показателем выступают не сами формы культурного бытия – они для каждой локальной культурной системы самодостаточны и не подлежат оценке с точки зрения инокультурных критериев, – а настройки и режимы психосферной медиации, обеспечивающие ей жизнеспособность.

Всеобщий принцип дуализма обнаруживает себя в антропосистеме в биноме «человек – культура». При этом и человек, и сама культура проявляют субъектные свойства. Разница субъектных потенциалов в этом биноме и возникающие при этом противоречия – главный двигатель развития антропосистемы. Главное из этих противоречий заключается в том, что человек органически стремится вернуться из дуализированного и потому продуцирующего перманентное отчуждение мира культуры в спасительное лоно непротиворечивого, не-дуального существования. На онтогенетическом уровне глубинная память об этом восходит к внутриутробному состоянию, на филогенетическом – к состоянию, предшествующему антропогенезу. В погоне за абсолютной партиципацией – окончательным экзистенци-

альным слиянием и природнением к универсуму — человек создает смыслы, знаки, артефакты — ситуационные адресаты партиципации, являющиеся «кирпичиками», из которых строится тело культуры. Абсолютная партиципация — недостижимый горизонт, к которому устремлена человеческая экзистенция. Партиципационное слияние с *иным* всегда оказывается временным, ситуационным и неизменно распадается, вновь заставляя человека испытывать чувство отчужденности. Но энергия человеческого устремления к горизонту абсолютной партиципации, воплощаясь в разнообразнейших культурных практиках, «цинично» используется культурой для решения ее собственных задач: развития и структурирования своих многочисленных подсистем. Таким образом, человек и культура пребывают в неизбывном симбиозе-противоборстве. Концепт избавления от противоречивого и травматичного бытия в культуре воплотился во множестве мифологем и религиозных идей в диапазоне от первобытного спиритуализма до эсхатологии религий спасения. Бесконечная устремленность к абсолютной партиципации и невозможность таковой — *perpetuum mobile* антропосистемы, внутренний источник ее ароморфоза и любого самодвижения вообще. Выход из этой симбиотической ловушки (теоретически такую возможность исключить нельзя) был бы для человека выходом из культуры, прорывом в некое новое, надчеловеческое качество, да и культура тоже стала бы чем-то существенно иным.

Пока же этого не произошло, человек и культура продолжают пребывать в противоречивом сосуществовании, ставя и решая собственные не совпадающие задачи. Хотя самая глубинная их задача — совпадает. Это установление и настройка каналов психомедиации.

Культура, согласно А. Пелиенко — не более чем одно из промежуточных звеньев в цепи глобальной эволюции. Никакой конечной в метафизическом смысле цели она иметь не может, как не может иметь конечной цели и сама эволюция. На уровне философских спекуляций можно предположить, что целью культуры является самоснятие и переход в новое, более «продвинутое» эволюционное качество. Но эта абстрактная формула мало что помогает понять в конкретно-исторических культурных процессах. Здесь мы имеем дело с разномасштабными, но все же обозримыми временными конъюнктурами, в которых локальные культурные системы решают разнообразные имманентные задачи. Характер этих задач определяется как уровнем сложности структурной конфигурации самой локальной культурной системы, так и стадийными характеристиками ментальности человека — создателя и носителя смыслов. Влияние ментальной конституции человека на имманентные задачи его культурной системы проявляется не прямо, а косвенно, опосредованно; напрямую ставить и осознавать человек может лишь свои собственные цели. Цели же локальной культурной системы, как и ее системные основания, от него скрыты. Культура, таким образом, понимается не просто как некий объект, пространство или набор программ, но прежде всего как субъект, наделенный способностью к саморазвитию, рефлексии и целеполаганию.

Внешний исторический контекст сам по себе никаких задач локальной культурной системе не создает, но лишь влияет на их реализацию. Поэтому в книге акцент делается на анализе автоморфических, а не спровоцированных средой ароморфозов локальной культурной системы. Логика автоморфических эволюционных изменений раскрывает содержание генома локальной культурной системы, который, разворачиваясь в историческом бытии, корректируется внешними, «фенотипическими» факторами.

Важное место в анализе культурных систем отводится выявлению алгоритмов культурной динамики, обусловленной ритмическими чередованиями доминант интегративных и дезинтегративных состояний. В этот большой ритм «упаковываются» ритмы малые, регулирующие отношения ядра локальной культурной системы и неуклонно отпадающих от него в силу действия вектора дифференцирования подсистем.

Ключевая особенность смыслогенетического подхода состоит в реконструкции органической связи между структурными конфигурациями культурных систем и ментальной конституцией человека. Отбрасывая миф о культурно-

антропологическом единстве человечества, смыслогенетическая теория стадильному эволюционированию культурных систем ставит в соответствие эволюционирование человеческой ментальности. А системные изменения последней имеют психофизиологическую основу. Впрочем, по ходу истории обратное воздействие культурных факторов на психофизиологическую конституцию возрастает.

Исходя из макродинамики изменений психофизиологических структур и ментальных конституций человека, в истории автор выделяет следующие периоды.

Ранний культуругенез — от Олдувая до конца палеолита, период становления первой в истории культуры макросистемы — мифоритуальной. Этот период отмечен безраздельным «атавистическим» господством правополушарной когнитивности со слабым, но чрезвычайно болезненным включением левополушарных техник, роль которых, тем не менее, неуклонно возрастает. К верхнему палеолиту формируется и базовый культурно-антропологический тип, соответствующий мифоритуальной системе, — родовой индивид.

Неолит — сердцевина архаической эпохи, период во многих отношениях переломный. В неолите была предпринята первая попытка правополушарного реванша, вызванная кризисными последствиями нарастания левополушарной когнитивности и бурного изменения культурных практик. Стремление нейтрализовать левополушарную когнитивность не могло иметь стратегического успеха, поскольку шло против еще доминировавших в то время факторов имманентной нейрофизиологической эволюции. Но результатом неолитической революции стало разблокирование первобытного табу на комплексное расширение совокупного культурного ресурса. А это в свою очередь предопределило последовавший вскоре прорыв к цивилизации.

Эпоха ранних цивилизаций (классический Восток) отмечена бурным развитием левополушарной когнитивности, приведшей к системному кризису и распаду мифоритуальной системы. Период с конца II тыс. до н.э. по VII в. — эпоха *дуалистической революции* — первый полностью завершившийся межсистемный переход в истории культуры. В этот период установилось левополушарное доминирование и утвердилась логоцентрическая макрокультурная система. При этом фазы логоцентрического синтеза, отмеченные модельными центрами новых цивилизационных ареалов, выстроились в своего рода дугу в порядке убывания компромисса с мифоритуальным синкретизмом и, соответственно, выраженности левополушарного доминирования и становления структурной жесткости бинарного кода в различных семантических формах. Принцип логоцентризма проявляется все сильнее по мере движения от одного модельного центра к другому. Прогрессия здесь такова: Индия — Китай, Иран — Иудея, Греция. Далее — христианская и исламская цивилизации, в которых логоцентризм достигает наиболее зрелых форм. Соответственно формируются и занимают господствующее положение новый тип металльной конституции, основанной на левополушарном доминировании, и ее субъект-носитель — логоцентрик. Дальнейший мейнстрим в истории складывается на основе компромисса между нисходящей мифоритуальной и восходящей логоцентрической линиями. В эпоху дуалистической революции родился еще один антропологический тип — личность. Человек этого типа — носитель наиболее сложно организованной трехслойной ментальности — появился как бы «на вырост»: долгое время личность существовала точно, и положение ее по отношению к господствующей логоцентрической культуре было подчиненным. Личность же являет собой культурно-антропологический тип, который в своем развитии устремлен к выходу из логоцентрической системы.

Исторически проявленные формы этого устремления обнаружили себя в *революции личности*, когда три фазы культурно-исторической динамики (Ренессанс, Реформация и Просвещение) впервые сформировали цивилизацию, ориентированную на личность — новоевропейский Модерн. В его культуре принцип левополушарного доминирования достиг своего апогея. Но апогей апогею рознь. Самой последовательно логоцентрической цивилизацией является исламская. Что касается Европы, то здесь апогей логоцентризма — это пик, за которым следует вертикальный эволюционный прорыв в новое системное качество. В отличие от инди-

вида и логоцентрика, личность — тип незавершенный, переходный: на протяжении всей своей истории она «выламывается» из логоцентрических рамок. Иными словами, «неправильные» логоцентрики — западные европейцы — создали цивилизацию, базирующуюся на резко выраженном левополушарном доминировании, но при этом вырастающую из логоцентрической матрицы. Пиком господства этой цивилизации стали XVIII–XIX вв. В XX в., особенно во второй его половине, наступает кризис левополушарных когнитивных стратегий. Этот кризис охватил и западную философию, и науку, и искусство, и религию, и политику, и все иные сферы культуры.

В конце XX — начале XXI в. становятся заметными проявления «правополушарного реванша», который на этот раз протекает в русле имманентных законов нейрофизиологической эволюции. Последние, впрочем, на современном этапе эволюции уступают определяющую роль в формировании ментальности культурным факторам. На смену «людям слова» приходят «люди цифры» — носители *новой естественности* — ментальной конституции, основанной на «восстановленном в правах» правополушарном доминировании. Разумеется, ни о каком прямом возврате к мифоритуальной ментальности речи не идет; можно говорить лишь о ее типологическом аналоге на новом эволюционном витке. Рассуждения о смене полушарного доминирования не следует понимать упрощенно и механистически: сложные изменения происходят не только в самих гемисферах, но, что, в конечном счете, главное, в характере обмена данными и взаимодействия между ними. Ведь смысл как единица культуры и сознания есть слепок именно этого самого взаимодействия, а не механической суммы функций двух полушарий.

Исходя из наблюдаемых тенденций системного кризиса, в рамках смыслогенетического подхода можно спрогнозировать, что культурный синтез нового системного качества совершится на основе дальневосточной (плюс Индия) и частично евро-атлантической цивилизаций. Но это — внешнее.

На наших глазах новая естественность лишь только выходит из оболочки уходящего логоцентризма, новое системное качество этого культурно-антропологического типа еще в полной мере не проявилось. Но уже через два-три поколения оно может завоевать лидирующие позиции. Человек новой естественности — носитель следующего уровня ментальной сложности. Ментальная сфера превращается в более автономную и самодостаточную систему. Общеэволюционный фронт проходит еще одну фазу уплотнения и локализуется теперь в ментальной сфере человека, а сам человек из элемента системы превращается в систему в системе. Впрочем, автономность эта, как всегда, относительна, ибо здесь, как и на всех предшествующих витках эволюции, детерминизм материнской системы, в данном случае культуры, не подавляется полностью, а просто смещается в фоновый режим существования дочерней системы. А. Пелипенко не берет на себя смелость говорить о посткультурном существовании человека(?), считая это безответственным фантазерством. Но он предполагает, что для той части человечества, которая перейдет к новому системному качеству, этот переход будет состоять в затухании всех традиционных противоречий и коллизий в оппозиции «человек — культура», а фронт продуктивных эволюционных противоречий переместится в сферу человеческой ментальности. Такого рода тенденции проявляются уже достаточно широко. Так, если движущей силой культурогенеза было (и пока еще остается) стремление человека восстановить последовательно утрачиваемую включенность во всеобщую эмпатическую связь в ее естественных формах, то сейчас эта включенность приближается к своему воспроизводству в формах технологических — посредством электронно-сетевых связей. А развитие нанотехнологий, вероятно, сможет технологически реконструировать всеобщую эмпатическую связь в объеме, соотносимом с первоначальным естественным, хотя, разумеется, уже с иным набором функций. Если это произойдет, то можно будет говорить о диалектическом снятии культуры как системно-эволюционной формы и посткультурном существовании нового субъекта — уже, по меньшей мере, не вполне человека. Но это — специальная тема, к ней автор предполагает вернуться в последних частях исследования.

Таково основное содержание исследования А. Пелипенко. Как видим, даже весьма упрощенное его изложение побуждает к сильному напряжению мысли и

внимательному следованию логике исследования. Разумеется, чтобы глубже его понять, лучше всего ознакомиться с ним полностью.

Несомненно, эту книгу можно подвергнуть критике. Но вообще-то раскритиковать можно любую концепцию, теорию и тем более книгу, поскольку как модели они всегда «меньше» реальности, и всегда существует «зазор» между любыми моделями и реальностью, которую они описывают. Однако даже возможность такой критики, ее «фальсификации» (если воспользоваться терминологией К. Поппера) свидетельствует о жизнестойкости теории А. Пелипенко и вытекающих из нее выводов. И настоящая, профессиональная, доброжелательная критика, безусловно, только приветствовалась бы автором. К сожалению, сегодня такая критика — редкое явление.

Но если судить о том, что сделано в исследовании, а не о том, чего в нем нет (чего нет — сделают другие поколения исследователей), то можно без труда заметить, что автор блестяще рассматривает тончайшие переходы от природы к культуре, от животного состояния — к человеку, от имплицитного, потенциального мира — к эксплицитному, налично-действительному. При этом автор опирается на громадный материал и достижения современной естественнонаучной мысли — космологии, астрофизики, биологии, нейрофизиологии, квантовой физики, антропологии, психологии и т.д. Этот материал — не просто иллюстрация авторских идей. Он синтезирован в совершенно необыкновенную по глубине и мощи целостность, концепцию, элемент которой, может быть, и известны в научной литературе и по отдельности встречаются у других ученых, однако впервые сложены в стройное и впечатляющее «здание» теории смыслогенеза и эволюционно-генетического представления о культуре.

И казалось бы, читатель уже уяснил основную идею книги. Но нет, автор постоянно предлагает такие повороты мысли и сюжеты, которые читателю трудно предположить даже при самом внимательном и вдумчивом чтении. И эти повороты и сюжеты снова оказываются необходимыми, значительными и необыкновенно глубокими.

За всем этим, безусловно, просматривается огромный тяжелый, кропотливый труд автора, требования которого к научному исследованию и самому себе исключительно высоки.

Сегодня в мире и России выходит огромное число интересных и ярких книг по философии, экономике, политике, социологии, антропологии, культуре. Но книга А. Пелипенко и на этом фоне представляет собой, безусловно, крупное научное и культурное явление отечественной и, пожалуй, мировой интеллектуальной жизни. Это не нарратив, не описание, не повествование, часто бездоказательное и являющееся плодом фантазии авторов, а глубокое научное исследование, опирающееся на фундаментальные основы и современные достижения естествознания.

Язык исследования, разумеется, непрост, но и не страдает тяжеловесностью. А вовремя встречающийся в тексте легкий юмор дает небольшую паузу и позволяет перевести дух после довольно напряженного следования его логике.

Научное сообщество России может гордиться таким исследованием.

В труде А. Пелипенко заметны либеральные взгляды. Однако это не тот либерализм (по преимуществу политико-экономический), представления о котором в России испорчены, похоже, всерьез и надолго. Он — либерал по существу, по своей приверженности свободе и независимости мысли и духа, не скованный никакими догмами и авторитетами, мыслящий глубоко и масштабно. Либералы в России все при делах, деньгах и должностях (где в России вы видели либерала не при деньгах?). А. Пелипенко — вне этого, он — бессребреник, его жизнь — наука. Поэтому живет он нелегко, преодолевая беднежье, невостребованность и все отечественное невнимание к ученым и их трудам, пусть даже и очень глубоким.

Видимо, было бы целесообразным издать труд А. Пелипенко где-нибудь на Западе. К сожалению, таков традиционный путь к известности во многих сферах культуры России — в литературе, искусстве, кино, науке, спорте. Если тебя признали на Западе — есть шанс, что признают и в России. Найдется ли такой человек, который взялся бы за продвижение книги Пелипенко за пределами страны?

Несомненно, отечественная наука и культура немало выиграли бы, если бы было

проведено хотя бы одно-два серьезных обсуждения книги Пелипенко на специальных научных конференциях или круглых столах. Глубина и масштаб исследования позволили бы представителям многих научных дисциплин взглянуть на то, чем они занимаются, под неожиданными углами зрения и с различных ракурсов, причем не просто ассоциативно, а на серьезной научной базе. А это дорогого стоит.

Самому автору можно пожелать усилить научный аппарат исследования. Прежде всего, нужен глоссарий работы – сотня-другая необходимых и достаточных ключевых понятий и терминов с развернутыми определениями, описывающими основное содержание исследования. Полезен был бы и именной указатель с расшифровкой основных биографических сведений о персоналиях, поименованных в работе. Все это составило бы необходимую научную навигацию к тексту исследования, за которую любой читатель был бы только благодарен автору.

Возможно, А. Пелипенко было бы небесполезно создать более популярную версию этой книги, которая могла бы получить более широкое хождение среди читателей. Свою способность мыслить фундаментальными научными категориями он, безусловно, уже доказал.

Учитывая то обстоятельство, что А. Пелипенко исключительно глубоко разбирается в том предмете, о котором пишет, – культуре и ее тончайших механизмах, можно предположить, что это знание позволяет ему стать *практическим* высококлассным экспертом в этой области, услуги которого могли бы быть востребованы в разных областях, таких как налаживание межкультурных коммуникаций, разрешение межэтнических конфликтов, формирование и продвижение позитивного имиджа России в мире, эффективное использование «мягкой силы» Россией, повышение повседневной культуры населения страны, повышение уровня и качества управления, бизнеса, СМИ, кинематографа и т.д. Везде А. Пелипенко мог бы сказать нечто весомое и точное, что способствовало бы безусловному успеху «заказчика».

Цель данной рецензии – обратить внимание на исследование А. Пелипенко. В ней нет критических суждений, хотя это не проблема. Но выразим надежду, что такие критические суждения рождаются в других рецензиях и обсуждениях.

Пока же будем ожидать продолжения этого яркого и эвристически необыкновенно содержательного исследования, ведь впереди предполагаются еще четыре его части. У меня нет сомнений в том, что А. Пелипенко не разочарует своих нынешних и будущих читателей.

MITROSHENKOV Oleg Aleksandrovich, Dr.Sci.(Philos.), Professor of the Chair of Philosophy, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, bld. 1, Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119571)

WHAT MEANINGS DOES THE CONTEMPORARY CULTURE FORM?

Abstract. *The review considers the fundamental work of Russian scientist-culturologist Andrei Pelipenko «Culture and meaning» (2012). The author examines the subtle mechanisms of origin of culture, a transition from nature to culture, from the animal state to the man; from the implicative, potential world to the explicative, real-existing one. As the core of the study appears a meaning genetic theory of culture, based on a broad scientific material. In the book the basis of the interdisciplinary synthesis and the main ideas and features of the meaning genetic theory approach are shown. According to the author culture is only one of the intermediate links in the chain of global evolution.*

Keywords: *culture, meaning, meaning genetic theory, anthroposystem, universal empathic link, global evolutionary vectors, implicative world, local cultural system, logocentric system, functional hemispheric asymmetry, psychosphere mediation*